

Хачак Светлана Кадировна

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ТВОРЧЕСТВА В. СКОТТА

Ключевые слова: публицистический характер творчества, субстанциональность, структура художественного текста, интенциональность, дескриптивность текстовых характеристик.

В монографии проводится анализ публицистических произведений В. Скотта, которые сами по себе и в соотношении с литературно-художественным (непублицистическим) творчеством этого автора являются адекватным объектным пространством для развития общегуманитарных, филологических понятий, в том числе теоретико-лингвистических, таких как концепт «субстанциональность». Основное внимание автор акцентирует на взаимодополнительности публицистической и собственно-литературной образности в наследии В. Скотта, что подтверждается исследованным материалом.

Keywords: journalistic nature of artistic creativity, substance/essential meaning, the structure of artistic text, intentionality, text characteristics' descriptivity.

In this monograph the journalistic works of W. Scott, which are by themselves and in relation to the literary and artistic (non-journalistic) creativity of this author, are an adequate object space for developing humanitarian and philological concepts, including the theoretical and linguistic concepts, such as «substance/essential meaning» are analyzed. The author focuses on complementarities of W. Scott's social and political journalism and literary images in his heritage, evidenced by the explored material.

Наследие художника слова, мастера-публициста все чаще стремятся представить как потенциально вычленяемое сложное целое «писатель всю жизнь пишет одну книгу». Это касается и синтетических талантов, соединявших в творческом пути литературно-художественную и публицистическую образность (такой подход в последние годы активно обосновывают несколько

герменевтических направлений). Отсюда – особое внимание к существу, скрепляющему столь разные грани творческого наследия, например, В. Скотта.

С одной стороны, серия пластичных журналистских материалов «Письма о демонологии и колдовстве», очерк-глава из автобиографии «Освоение невозделанных земель», статья «О ландшафтном садоводстве» (первый в мире объемный публицистический текст на эту тему!) и т. д. – а с другой, его художественная проза и поэзия. Тем актуальнее двуединая задача: соотнести в единстве различные аспекты образности и раскрыть их в субстанциональном плане.

Роль шотландского гения в газетном и особенно журнальном процессе значительна, но не подвергалась объемным специальным исследованиям. В творчестве В. Скотта подтверждается принципиальная закономерность: у синтетических талантов, явленных и в художественно-эстетической, и в публицистической сферах (Дж. Милтон – М. Ломоносов – А. Пушкин – В. Гюго – Л. Толстой – Т. Манн – И. Репин – У. Фолкнер – М. Цветаева – А. Солженицын...), последняя становится объектом исследования позднее, чем первая. Роль шотландского гения в газетном и особенно журнальном процессе значительна, но не подвергалась объемным специальным исследованиям.

Между тем публицистика Скотта и сама по себе, и в соотнесении с литературно-художественным (непублицистическим творчеством) – адекватное объектное пространство для развития общегуманитарных, филологических понятий. В том числе – теоретико-лингвистических, например, концепта «субстанциональность». Субстанциональность языка романов Скотта – многогранный объект, для которого наиболее значимы корреляции с несубстанциональным планом (интенциональным, функциональным и планом явления); а также социолингвистическая и дескриптивная охарактеризованность.

Уже в первом филологическом исследовании, специально посвященном субстанциям, отмечался динамический характер субстанциональности [8, с. 10]. Определим в этом плане два аспекта.

Во-первых, субстанциональность определяется в единстве с интенциональностью как отражением феномена в сознании.

Во-вторых, сущность раскрывается явлениями. Соответственно, определяем аспекты субстанциональности и систематизируем журналистские параметры: целостность текстов; актуальные издания.

Материалом подтверждается взаимодополнимость публицистической и собственно-литературной образности в наследии В. Скотта (потенциально – едином макротексте; причем указанная взаимодополнимость в наследии феномена «художник-публицист» давно намечена принципиально, сейчас признана даже на учебном уровне и продолжает углубленно исследоваться на различном материале: [2; 6; 10; 13 и др.]

Указанная особенность реализуется в относительно широком познавательном плане, с учетом общепублицистической проблематики. Ведь именно как публицист Скотт проявлял наиболее активную гражданскую позицию, порой рискуя жизнью, – а это прямо являет сущность. Такова его готовность к дуэли с адвокатом Гибоном, обиженным газетой «Веасон», в 1822 г. – после того, как в аналогичной ситуации, был убит друг Скотта журналист Александр Босуэлл, а также в ряде сходных случаев уже с 50–60-летним Скоттом (возможно, здесь определяются закономерности, обобщенные в наши дни как «гедонистический риск»).

Публицистические источники связаны с теми этапными для британских СМИ изданиями, где В. Скотт был одним из основных создателей и авторов: *Edinburgh Review* (с 1802 г.), *Quarterly Review* (с 1809 г.), *Edinburgh Annual Register* (с 1816 г.) *Веасон* (с 1822 г.). Показательны и издания, в которых печатались русские переводы Скотта, особенно «Московский телеграф», «Галатея», «Сын отечества».

Особую субстанциональность у Скотта характеризует и русская рецепция. Отметим два проявления этого сущностного плана.

Русская рецепция проявлялась у видных национальных деятелей, протейческих талантов. Таков Денис Давыдов (Скотт в Шотландии встретился с племянником Пиндара в латах, Владимиром Давыдовым, и оживленно расспрашивал о поэте-воине. Узнав о том, герой Ареаны и Парнаса, вообще далекий от восторженности, чаще едкий и колкий, искренне пишет Скотту: «Быть объектом интереса со стороны первого гения эпохи, самым страстным и пылким поклонником которого я состою, – это не только честь, это... подлинное счастье...» [1, с. 7]

Другой полюс рецепции – образная, внутрисистемная, как в «Герое нашего времени», когда Печорин именно с томиком «Пуритан» вопрошает себя: «Неужели шотландскому барду на том свете не платят за каждую отрадную минуту, которую дарят его книги» [7, с. 23].

Кстати, не случайно и обратное: внимание Скотта-публициста к русской культуре, например в строках о том, как «шотландские предания совпадают с народными сказаниями русских» [4, с. 603].

Учитывается и системная дифференциация, характерная для информационного пространства, – в том числе различия мотивов, противоположность убеждений, позиций. Для СМИ типична полемичность, а значит, нельзя обойти издания, дискутировавшие со Скоттом, тем более что в результате споров они порой вынуждены были принимать его позицию – как в полемике на страницах *Edinburgh Weekly Journal* с французским генералом Гурго. Это, прежде всего, журнал *Edinburgh Christian Instructor*, который в 1820-х годах осуждал государственнические социальные установки. Примечательно, что и здесь полемика со Скоттом нередко оборачивалась признанием его правоты.

Публицистически-общественные мотивы связаны с установкой на воздействие, сущностной для большинства романов Скотта. Общественную линию его мировидения, гармонично слитую в романах с эстетическим совершенством, отмечали многие исследователи. Она оказалась не изолированной от сущности языка, а, наоборот, тесно с ней связанной. Главные проявления этого носят социолингвистический характер.

Отметим три его существенных и взаимосвязанных черты.

Во-первых, романы насыщены языковыми антитезами, отражающими социальные коллизии. Взятые в отрыве от контекста, они аналогичны публицистическим фрагментам. Как правило, антитеза соотнесена с противопоставленными социальными позициями.

Во-вторых, публицистические мотивы связаны с вовлечением читателя в повествовательный план – таким вовлечением, которое нацелено установить эффективность воздействия. Такая интерактивность, кстати, характерная и для некоторых произведений современников Скотта, расширяет адресатный план текста, придает роману особую полифонию, бахтинское «многоголосие и многоглазье».

В-третьих, публицистически-общественный аспект субстанциональности определяется языковыми способами выражения полемичности.

Писатель художник, по мнению В. Скотта, становится историком тогда, когда он правдоподобно воскрешает прошлое и создает «дух подлинной реальности». Он субстанционально закреплен и доступен исследователю в языке. Социальная действительность не существует вне людей, она существует идеально – в виде когнитивных моделей, и материально – в виде речевых моделей (текстов), в отношении социального мира когнитивная модель, так или иначе, репрезентирует для своего носителя совокупность когнитивных моделей прочих участников социальной действительности. Когнитивная модель социального мира делает возможной ориентацию в среде других когнитивных моделей. Когнитивная модель социального мира В. Скотта оказалась адекватной представлениям его читателей об этом мире. Это и определило поражающую современность его исторических романов.

Скотт подчеркивал необходимость сочетания исторических фактов с вымыслом, правды с фантазией художника. Без вымысла, писал Скотт, невозможно произведение искусства, ибо первая задача романиста – развлекать. Но вымысел никогда не отеснял в его произведениях правду. Он был лишь приемом

художественного отражения реальной жизни. Первое требование Скотта во всем, что он писал – верность натуре, т.е. правдивость, второе – сохранение связи былого с настоящим, т.е. внимание к исторической преемственности. Тем более, это актуально для его публицистики: критерий дескриптивности отражает семантический аспект описания текстовой деятельности В. Скотта как журналиста. Дескриптивная информация – семантически адекватна действительности, когда адекватность предопределяется правдивостью и полнотой отражения процессов и явлений современной жизни, соответствующих информационным запросам и потребностям массового адресата. Скотт изгнал из своих романов невероятные чувства и необоснованное действие и, с правдоподобием, вызывавшим иллюзию реальности, стал изображать то, что происходит или может произойти в действительности.

Особенности художественной прозы В. Скотта необходимо воспринимать с учетом как лингвистических, так и экстралингвистических факторов, широкого контекста произведения, определяя скрытую (имплицированную) информацию, а также с учетом личности автора, его собственного метаязыка. Язык произведений В. Скотта, насыщен целым рядом специфически художественных категорий, которые являются носителем скрытой, имплицитной информации. Данная информация требует особого прочтения, или интерпретации, получателем текста. Проблема слова, его множественной интерпретации, получает дополнительную значимость.

Для раскрытия субстанциональности объекта примечательны корреляции, выявляемые сквозь призму перевода. Современный русский читатель не имеет возможности ознакомиться с творчеством В. Скотта в полной мере. Нужно перевести не столько «текст», сколько с помощью текста воссоздать мир произведения, весь его психологический, этнографический, исторический, лексический комплекс, который образует творение литературы.

Главы романов В. Скотта начинаются с цитат. Так образуется специфическая субстанциональность: автор превращает чужие текстовые фрагменты в

элемент своего, и при этом добивается более многосложного читательского восприятия. Например:

Stern was the law which bade its vot'ries leave
 At human woes with human beans to grieve;
 Stern was the law, which at the winning wile
 Of frank and harmless mirth forbade to smile;
 But sterner still, when high the iron rod
 Of tyrant power she shook, and call 'd that power of God.
 The Middle Ages [17, с. 482]

Суровъ былъ законъ, запрещающій человѣческимъ сердцамъ сострадать человѣческимъ страданіямъ; суровъ былъ законъ, запрещающій улыбаться невиннымъ чистосердечнымъ удовольствіямъ; но еще суровѣе былъ онъ, когда высоко возносилъ желѣзный скипетръ тираніи, соединяя свою власть съ именемъ Бога.

Средніе Вѣка (*орфография источника*) [18, с. 461].

В тексте Скотта читатель воспринимает и стилистику цитируемых авторов. Создавая вертикальный контекст, этот лингвистический прием обогащает художественные произведения, придает ему как бы «четвертое измерение». Выбор этой цитаты автором к главе XXXVII подчеркивает его крайне негативное отношение к жестоким служителям католической церкви: эпоха раннего средневековья показана во всей ее суровости.

Задачей писателя является добиться активизации интерпретационных способностей и концентрации интеллектуальных усилий со стороны читателя, заставить его устремить свое сознание на воспринимаемый текст, приняв т.о. участие в создании произведения. Достигнуть искомого результата возможно лишь через вовлечение читателя в специфический режим искомого чтения, ощущать его как структурированное языковое целое со своими пропорциями и особой пластикой, охватывать его сознанием, словно внутренним зрением, осознавая себя во время чтения воспринимающим субъектом, непрерывно наблюдавшим за текстом вместе с его автором, но и независимо от него, с позиции своего «я».

Одной из версий подобного отстраненно – критического прочтения собственных произведений, примером критического автокомментария и одновременно частью «программы воспитания и просвещения» читательской аудитории могут служить предисловия к романам писателя. Приоткрывая в предисловиях дверь в свою творческую лабораторию, и описывая поиск наиболее адекватных средств для реализации той или иной идеи, В. Скотт дает нам понять, что с точки зрения общей смысловой, композиционной, структурной организации все макро- и микроэлементы текста подчинены единой цели максимально точного воплощения авторского замысла.

В исследовании социолингвистических аспектов субстанциональности языка художественных произведений В. Скотта мы старались использовать более ранние издания произведений писателя т. к. современные не содержат всех тех пояснений, примечаний, вступлений, посвящений, которые автор считал необходимыми компонентами своих произведений и от которых позднее «избавились» издатели. Для субстанциональности значимы различия между семантической полнотой различных изданий. Так, например, в прижизненном английском издании *Ivanhoe*, Edinburch, 1820, есть авторские примечания, которые значительно расширяют и углубляют семантическое наполнение текста его фрагментов.

Например:

I would crave of thee the use of some palfrey whose pace may be softer than that of my *destrier*. (Выделено в подлиннике!)

В английском издании 1820 г. *Sir Walter Scott, Ivanhoe V.3* – авторская сноска: *destrier-war horse* [17, с. 236]

В современном издании *Sir Walter Scott, Ivanhoe, Penguin Popular Classics*, 1994, p. 451 – этой сноски автора нет.

Перевод 1874 г [18, с. 507]:

...я попрошу васъ ссудить меня какою – нибудь из вашихъ лошадей, шагъ которой вѣроятно будетъ покойнѣе походки моего боевого коня (орфография источника).

Перевод Бекетовой (современное издание):

... прошу тебя: достань мне верховую лошадь, у которой шаг был бы помягче, чем у моего боевого коня.

Рассматривая все тексты Скотта как единый, нельзя не отметить повторение одних и тех же фольклорных мотивов. Особое место среди них принадлежит такому элементу фольклора, как гадание, прорицание, пророчество. Выстроив все романы, где этот мотив играет существенную роль, в одну цепочку, получим: «Гай Мэннеринг, или Астролог» (1815) – «Ламмермурская невеста», «Легенда о Монтрозе» (1819) – «Пират» (1821) – «Квентин Дорвард» (1823) – «Талисман» (1825) – «Кэннонгейтские хроники», «Вдова горца», «Два гуртовщика» (1827). В том же году, Скотт написал статью «О сверхъестественном в литературе, и, в частности, о сочинениях Эрнста Теодора Амадея Гофмана». К этому ряду можно отнести нехудожественную, но представляющую для нас огромный интерес работу «Письма о демонологии и колдовстве» (1830). А если добавить сюда «Эссе о вере в фей», которое было опубликовано в сборнике «Песни шотландской границы» (1802), то можно предположить, что такое постоянство в использовании Скоттом одних и тех же мотивов фольклорного наследия говорит об их исключительном значении в художественной и мировоззренческой системе самого писателя.

Структура художественного текста несет информацию о художественной модели мира писателя в той же мере, в какой эта модель определена языком текста. Известно, что повторы, относятся к структурно-значимым элементам текста; они свидетельствуют об особом характере содержания. К такого рода повторам в романах Скотта относится, например, введение параллельных пророчеств в отношении главного героя.

В статье «О сверхъестественном в литературе» (1827) Скотт пишет, что многочисленные истории на одну и ту же тему способны полностью исчерпать интерес к ней. «Целый сборник повестей о привидениях, – говорит он, – столь же мало возбуждает страх, как книга анекдотов, – охоту смеяться» [4, с. 613]. Однако в романах он постоянно использует прием «наложения» различных пророчеств и предсказаний. Одно может идти от представителя высшего класса, умного, образованного дворянина, со своим кодексом чести (Гай Мэннеринг – «Гай Мэннеринг», Галеотти Марти – «Квентин Дорвард», Альберик Мортимар – «Талисман»), который все свое свободное время посвящает такой науке, как астрология; а другое – от выходца из низших классов, более того, из отверженных, какими были цыгане (Мэг Меррилиз – «Гай Мэннеринг», Хайрадин – «Квентин Дорвард», три параличные полуслепые старухи – «Ламмермурская невеста»).

Публицистический характер художественного творчества В. Скотта ярче всего проявляется в романах «шотландского цикла». Именно шотландские мотивы характеризуют субстанциональность наиболее разветвленно. (Причем там, где фольклорный пласт был бы искусственным, – появляется органичный шотландский. С другой стороны, шотландский колорит более универсален для языка Скотта, нежели фольклорный, отсутствующий в ряде романов). Это проявляется в четырех системных взаимосвязанных подпространствах: в речевом портрете персонажей, в авторской речи, в общем шотландском колорите и в контекстуальном акцентировании шотландизма.

Во-первых, речевой портрет у Скотта нередко имеет «шотландский акцент». Практически во всех романах есть персонаж, чья речь насыщена шотландизмами. Это не самоцель и даже не собственно художественная черта. Через шотландизмы обычно раскрываются наиболее близкие автору и наиболее значимые концепты.

Во-вторых, авторский речевой план системно (хотя и не так часто) включает метаотношение к шотландизмам. Повествователь подчеркивает те семантические и/или экспрессивные преимущества, которыми обладает лексема.

В-третьих, значим шотландский колорит. Так же, как о фольклоризмах, следовало заметить и от шотландизмах. Чем далее текст, связанный с шотландской тематикой, уходит от прямых заимствований, – тем он глубже ее раскрывает. Это проявляется преимущественно в обилии тематических групп позитивного характера и в разнообразии их реализации. В-четвертых, при сравнении способов выражения порой акцентируется большая выразительность шотландизма по сравнению с нешотландским коррелятом.

Если в поэмах материальная культура (жилище, предмет утвари, элемент одежды, оружие) изображены Скоттом с позиций археолога и антиквара и подана в традициях описательной школы, то в романах «предмет быта становится средством воссоздания условий, жизни, нравов и, следовательно, общественного положения, интересов и страстей данного социального слоя.

Чтобы углубить понимание субстанциональности языка Вальтера Скотта, нужно обратиться к общекультурному фону, существовавшему в Шотландии конца XVIII в. Два общементальных течения – Шотландское Просвещение и Кельтское Возрождение – оказали особенное влияние на политическую, идеологическую, социальную и социолингвистическую жизнь Шотландии, и в первую очередь её столицы – Эдинбурга.

Изучение права рассматривалось, как гуманитарное образование: правоведы задавали тон интеллектуальной жизни Эдинбурга. Во времена Скотта предубеждение, ирония и недоброжелательство англичан по отношению к «северным дикарям» были столь сильны, что ни о каком равноправии двух «братских» народов не могло идти и речи. Именно юридическое образование помогало Вальтеру Скотту обходить в художественной прозе подводные течения шотландской, истории при изображении жизни ближайших к нему поколений. Он первый использовал свое знание юриспруденции для истолкования перемен в обычаях, национальном укладе и образе жизни шотландцев.

Скотт пытался преодолеть вражду и непонимание между двумя народами, обращаясь к истории старых распрей. Читатель – англичанин начинал

знакомиться с Шотландией через восприятие своего соотечественника, («Уэверли»), который ничего не знал об этой стране и на каждом шагу делал открытия, касающиеся нравов и сердец её обитателей. Так Скотт заставил английского читателя «с симпатией и радостью отнестись к своим недавним врагам и, простив заблуждения, отдать должное их душевным качествам» [11, с. 140].

Презрение и насмешки со стороны англичан по отношению к северному соседу, взаимное непонимание наций с наибольшей, откровенностью выражены в романе «Талисман» (1825). Проблема взаимного непонимания была достаточно острой, и Скотт вернулся к ней в рассказе «Два гуртовщика» (1827), спустя тринадцать лет после «Уэверли». Б.Г. Реизов считает этот рассказ одним из самых сильных созданий романиста. Несмотря на добрую волю той и другой, стороны, национальное непонимание вызвало кровавый конфликт: горец отомстил за свою поруганную честь добродушному англичанину, который и не помышлял оскорблять его [11, с.141].

Патриотизм шотландцев не знал границ, так же как и патриотизм самого Вальтера Скотта. Скотт рассказывал о своих соотечественниках на чужбине так, что за горсткой шотландских стрелков во Франции («Квентин Дорвард») вставлял образ, целого народа: много предков, много гордости и очень мало денег в кармане, друга никогда не бросают в беде, говорят всегда то, что думают, даже если перед ними король.

По признанию самого мастера, он мало интересовался политикой, но как только посягали на достоинство шотландцев как нации, он устремлялся в самую гущу борьбы.

Одним из примеров активного участия Вальтера Скотта в политических событиях является его резкий протест против вмешательства английского правительства в дела шотландской банковской системы. Проект об отмене национальных шотландских банкнот вызвал и гнев писателя, который вылился в несколько «Писем Малачи Малагроутер». Скотт прекрасно понимал, что вслед за отменой национальных шотландских денег в Лондон перенесут Шотландский Верховный

Суд, а это повлечет за собой упадок Шотландской Юридической Корпорации, Шотландской Адвокатуры, самого Шотландского Законодательства... и все, по словам Скотта, «конец старинной песне». «Письма Малачи» вызвали народные волнения в Шотландии, и в то же время – огромное неудовольствие высокопоставленных друзей писателя, в том числе лорда Мелвилла и лорда Каннинга; король выразил свое удивление и огорчение по поводу такой реакции великого шотландца. Английское правительство вынуждено было отказаться от своего намерения.

Примечание. Псевдоним. В. Скотта, которым он подписывал серию писем, призывающих ограничить хождение бумажных купюр и не выпускать банкноты достоинством менее 5 ф. ст. Письма были опубликованы в «Эдинбургском еженедельном журнале» (1826) и вызвали большой общественный резонанс.

Скотт был убежден, что свобода – прирожденное право каждой личности, каждого народа. Лишь свободный народ способен на великие дела; лишь свобода дает силу духа, достоинство, самоуважение, а значит и уважение со стороны других народов. Свобода народа – залог его дальнейшего культурного развития, равноправия с другими столь же свободными народами. Способствовать сохранению хотя бы тех элементов независимости Шотландии, которые остались после Унии 1707 г., Вальтер Скотт считал главной целью своей жизни. При этом ему было не важно, кому помогать – вигам или тори при создании Эдинбургской Академии, если его помощь давала возможность молодым шотландцам получить образование. Он поддерживал все начинания любой партии, которые могли укрепить национальные учреждения, возвышали достоинство Шотландии.

«Многое на свете слишком дурно, чтоб его хвалить, и слишком хорошо, чтоб хулить, – как Роб Рой», – слова эти, произнесенные в самом конце романа, можно отнести не только к отважно-диковатому горцу, «шотландскому Робину Гуду», как его постоянно называет Вальтер Скотт. Это, собственно, основной принцип подхода В. Скотта ко всем явлениям. Вальтер Скотт давал понять

современникам, что их категории справедливости и несправедливости чересчур узки по сравнению со сложностью реальных явлений.

И как человечество ссылается на античность ради извлечения уроков, так благодаря романам Вальтера Скотта можно было оглянуться и на Шотландию, где уже разыгралась и завершилась битва, шедшая на всем европейском театре – схватка между стариной и новизной, патриархальностью и прогрессом. Все это однажды уже было, как бы говорил Вальтер Скотт читателям, вовлеченным на новом этапе в ту же битву. И вот посмотрите, говорил он своими романами, как это было и чем кончилось. От патриархальности к прогрессу как отдельная страна Шотландия совершила переход, утратив самостоятельность и встав на уровень современного развития. Во времена Вальтера Скотта шотландские (не английские) журналы стали ведущими, не Лондон, а Эдинбург сделался центром английской журналистики. Это были английские журналы и английская журналистика, но тон задавали англичанам шотландцы, хотя и на английском языке.

Идеологическая заостренность, пропагандистский характер массовой информации и ее «акцентированная актуальность» – наиболее специфические содержательно-коммуникативные признаки художественных произведений В. Скотта. Вот как эти признаки определяются в теории журналистики: «В духовном отношении информация характеризуется идеологической заостренностью. Особенно важно бывает добиться, чтобы аудитория усвоила определенные идеи, взгляды, нравственные, политические или иные ценности. Актуальность прессы выражается не просто в скорости передачи сообщений. Не обходить острых тем, не бояться затрагивать так называемые трудные вопросы, возникающие у населения, – вот ее суть» [6, с. 31].

Главная заслуга Вальтера Скотта, поэта, писателя и журналиста в том, что в глазах современников, как шотландцев, так и англичан и европейцев, он создал новый образ Шотландии. Шотландские романы Вальтера Скотта сделали то, что не могли сделать ни мятежи и восстания, ни усилия политиков и верхушки интеллигенции: за Шотландией признали право на самобытность; они вызвали

чувство глубокого уважения к стране и её жителям у всей Европы, вызвали горячее желание лучше узнать и понять историю, обычаи и нравы шотландцев; они сломали стену враждебности и пренебрежения англичан по отношению к их северному соседу, пробудили у всех европейцев интерес к истории собственных народов, стремление прославить своим творчеством родную страну, как Вальтер Скотт прославил Шотландию.

Список литературы

1. Алексеев М.П. В. Скотт и Д. Давыдов // Литературное наследство. Т. 91. Русско-английские литературные связи (XVIII – первая половина XIX века). – М.: Наука, 1982. – 56 с.
2. Беспалова А.Г. В.Г. Короленко – теоретик журналистики // СМИ в современном мире. – СПб., 2002.
3. Бютор М. Роман как исследование. – М., 2000. – 208 с.
4. Скотт В. Собрание сочинений. В 20 т. Т. 1–20 / Пер. с англ.; под общ. ред Б.Г. Реизова [и др.]; вступ. ст. Б.Г. Реизова. – М. – Л.: Политиздат. Ленинград. отд-ние, 1960–1965.
5. Скотт В. О сверхъестественном в литературе и, в частности, о сочинениях Эрнста Теодора Вильгельма Гофмана / Перевод А. Г. Левинтона // Собрание сочинений. В 20 т. Т. 20 / В. Скотт. – М. – Л.: Художественная литература, 1965.
6. Корконосенко С.Г. Основы теории журналистики. – СПб., 1995.
7. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. – Искатель, 2012. – 224 с.
8. Немец Г.П. Семантика метаязыковых субстанций. – М. – Краснодар, 1999. – 739 с.
9. Основы творческой деятельности журналиста / Ред.-сост. С.Г. Корконосенко. – СПб., 2000. – 180 с.
10. Парамонов Б.М. Конец стиля. – М., 1999. – 46 с.
11. Реизов Б.Г. Творчество Вальтера Скотта. – М. – Л.: Художественная литература, 1965. – 500 с.
12. Тураев С.В. От Просвещения к реализму. – М., 1984. – 253 с.

13. Черняк А.З. Проблема оснований знания и феноменологическая очевидность [Текст] / А.З. Черняк. – М.: Эдиториал УРСС, 1998. – 144 с.

14. Alexander J.H. Two Studies in Romantic Reviewing: Edinburgh Reviewers and the English Tradition. The Reviewing of Walter Scott's Poetry: In 2 vls. – Salzburg, 1976.

15. Parsons C.O. Witchcraft and Demonology in Scott's Fiction. With chapters on the supernatural in Scottish literature – Edinburgh – London: Oliver & Boyd, 1964. – 363 p.

16. Scott W. Ivanhoe/ Penguin Books Ltd. Harmondsworth, Middlesex, England, 1994. – 464 p.

17. Scott W. Ivanhoe. A Romance. / by the author of Waverley, in 3 vls./ Pr. By James Balantyne and Co. Edinburgh, 1820. – 572 p.

18. Романы Вальтера Скотта. Айвено (орфография издания) (Съ двумя картинами, гравированными на стали, и 55 политипажами въ текстѣ – Петербургъ: типографія К.П.Плотникова. По Лиговкѣ д. №22. – 1874. – 612 с.

Хачак Светлана Кадировна – канд. филол. наук, доцент кафедры экономических, гуманитарных и естественно-научных дисциплин Филиала ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет» в п. Яблоновском, Россия, Республика Адыгея, пгт Яблоновский.
